

НЕУМОЛИМО время... Вот уже пять лет, как не стало Дмитрия Дмитриевича Шостаковича, гениального композитора, коммуниста, крупного общественного деятеля, пламенного патриота, удивительного человека. А я все еще вижу его живым, улыбающимся тогда, апрельским днем 1970 года у нас в Кургане. Кутаясь в теплое пальто — было еще холодно. — Дмитрий Дмитриевич говорил о горожанах, возвращающихся с ленинского коммунистического субботника:

— Как приятно видеть по праздничному радостных людей. Я всегда чувствую себя счастливым, когда у людей хорошее, приподнятое настроение.

ВИЖУ ЕГО УЛЫБКУ

Вспоминая встречи с Дмитрием Шостаковичем

Мне тогда запала в память эта фраза. Тем более что не раз доводилось слышать ее от Шостаковича. Нам, курганцам, в начале семидесятых годов довелось близко познакомиться с Дмитрием Дмитриевичем, сдружиться с ним: тяжелое заболевание привело Шостаковича к нашему доктору Г. А. Илизарову.

В течение последних шести лет композитор не мог играть на рояле. Гавриил Абрамович Илизаров, ныне лауреат Ленинской премии, помог Шостаковичу вернуться к активной творческой деятельности. Композитор снова стал плодотворно работать.

Дмитрий Дмитриевич не раз говорил, что чувствует себя в Кургане, как дома. В искренности его слов — а он у нас был трижды — не приходится сомневаться. Недавно в журнале «Польша» были опубликованы воспоминания композитора Кишиштофа Мейера с выдержками из писем Шостаковича.

«Сейчас я нахожусь в Кургане, где лечусь у замечательного врача Г. А. Илизарова. Он приводит в порядок мои руки и ноги». Из другого письма: «...лечение у замечательного врача Г. А. Илизарова принесло мне большую пользу».

В это время и состоялись встречи курганцев с гениальным художником, удивительно простым, скромным, обаятельным, доброжелательным, я бы сказал точнее, доступным для всех человеком. Иные пишут о его замкнутости. Да нет же! Он быстро сходил с людьми. И все, кто познакомился с ним в Кургане, чувствовали, будто давно-давно знают его.

Близко знавшие Дмитрия Дмитриевича отмечают его непринужденность в быту. И это действительно так. В его квартире, а мне довелось бывать там не раз, та же простота и скромность. Лишь два рояля в рабочем кабинете — свидетели и участники великих творческих поисков. Много книг, богатая фонотека.

Шостакович много читал: и классиков, и современных советских и западных писателей. Газеты, журналы он спешил прочитать с утра, еще до завтрака. Любил кино, театр. Мы удивлялись, как он на все находит время. Режим, строгий рабочий режим, даже в больничных условиях.

Очень дорожил великий композитор общением с природой. И любовь его к ней была удивительно чистой, трогательной.

Помню, свой день рождения пришлось ему встречать у нас в клинике Илизарова. Утром направился я к Дмитрию Дмитриевичу с букетом цветов. У входа в палату меня перехватила жена композитора, Ирина Антоновна. Всплеснула руками.

— Вы уж, пожалуйста, не заходите к нему с букетом. Он очень переживает, когда цветы срезаны. Они ему до-

роги на клумбе, в поле. Живыми!

После, когда врачи разрешили ему совершать прогулки, мы не раз бывали в окрестных лесах. Встречая людей с охапками цветов, он прямо-таки болезненно морщился:

— Экое бескультурье! Не понимают того, что природа — это же живой организм, ее надо беречь. Давно пора учить человека с малых лет заботливому отношению к лесу, полю, реке и всему в них сущему...

Не ведаю, как в клинике узнали о таком мнении Шостаковича, но по крайней мере к цветам здесь многие стали относиться бережнее.

Очень радовался общению, всегда много помогал людям.

Даже в клинике обращались к нему часто. Буквально потоком шли письма избирателей, трудящихся. И никого он без внимания не оставлял.

Исключительно интересный рассказчик, Дмитрий Дмитриевич очень любил юмор. А сколько радости ему доставляли разговоры и игры с детьми! Однажды к нему подошел мальчуган лет шести, лечившийся также у Гавриила Абрамовича, и предложил:

— Дмитрий Дмитриевич! Давайте играть в мяч!

— Ну что ж, сыграем!

Но как-то Дмитрий Дмитриевич не мог поймать мяч.

— Хорош друг! — в сердцах заметил мальчуган.

Композитор развел руками и от души засмеялся.

Исключительная уважительность к людям исходила от Дмитрия Дмитриевича. Никогда ни в чем нельзя было почувствовать в его действиях, словах, что он личность исключительная. Совсем наоборот!

Как-то меня попросили учащиеся и учителя красноярской средней школы нашей области взять у Дмитрия Дмитриевича автограф. Я обратился к нему с этой просьбой.

— А что написать? — задумался он.

— Напишите, Дмитрий Дмитриевич, на фотографии: «Учителем и учащимся красноярской школы», — предложил я.

— Но не только учителям и учащимся, — заметил он. — В школе есть и техника, которая ведет большую работу, и другие сотрудники. Как же о них умолчать?

И Дмитрий Дмитриевич написал: «Учащимся, учителям, всему коллективу красноярской средней школы на добрую память с самыми лучшими пожеланиями. Д. Шостакович. 4 июня 1971 г.» Сейчас этот портрет с автографом композитора является гордостью красноярской школы. Есть у нее и с любовью оформленный стенд «Творчество Д. Д. Шостаковича».

Занятый до предела, Дмитрий Дмитриевич всегда считал своим долгом по праздникам поздравить знакомых, поделиться в письмах мыслями, участливо поинтересоваться их жизнью. И в первую очередь здоровьем.

Передо мной его письмо, присланное в Курган и датированное 22 июля 1975 года: «Спасибо вам за письмо. Примите мою, хоть и запоздалую, но горячую благодарность за ваши добрые слова по адресу моей статьи в «Коммунисте». Пишу вам с таким большим опозданием потому, что много хворал и был очень слаб. Сейчас я нахожусь в больнице по сердечным и легочным делам. Вероятно, пробуду здесь около месяца. Шлю вам и вашей семье самые сердечные пожелания. Передайте, пожалуйста, сердечный привет Фи-

липпу Кирилловичу. Д. Шостакович».

Вновь и вновь я перечитываю письма Шостаковича в Курган. В моей памяти он предстает как истинный коммунист-ленинец, преданный делу Октября, всей своей жизнью и творчеством связанный с делами и помыслами партии. Вновь и вновь вспоминаю, с каким вниманием расспрашивал нас, работников обкома партии, о делах в области. Его искренняя заинтересованность побуждала нас откровенно делиться с ним новостями. Он знал о славных людях Зауралья, интересовался их судьбой. Восхищался деятельностью знатного полевода Терентия Семеновича Мальцева. Похоже, Шостаковичу импонировало то, что роднило его с замечательным хлеборобом: служение народу, идеалам революции, обязательность и ответственность, необыкновенная доступность и скромность.

Мы часто выезжали с Дмитрием Дмитриевичем, осматривали улицы Кургана, окрестности. Как восхищался он природой Зауралья! Но еще большее изумление у него вызывали новостройки города. По нашим рассказам и музейным снимкам композитор имел представление о прошлом Кургана, заштатного городишки. Поэтому он с такой теплотой говорил о трудовом подвиге зауральцев, построивших буквально заново город, современные фабрики, заводы, театры и концертные залы. На примере таких городов, как Курган, особенно видны наши достижения, неиссякаемые творческие силы народа.

Не раз композитор встречался с секретарями и членами бюро обкома партии. Беседы были душевные, откровенные. Дмитрий Дмитриевич щедро делился мыслями о делах в музыкальном мире, о своих встречах с людьми, о поездках за границу, о работе на посту депутата Верховного Совета СССР.

С большим интересом мы слушали его рассказ о том, как он, будучи мальчиком, встретил Октябрьскую революцию, как ему посчастливилось слушать Ленина на площади перед Финляндским вокзалом.

Было что рассказать композитору и о минувшей войне. Когда фашисты напали на нашу Родину, Дмитрий Дмитриевич ушел в отряд противовоздушной обороны Ленинграда. Под бомбежкой он стоял на крышах домов вместе с другими бойцами, подвергаясь опасности, защищая родной Ленинград. А в «свободные» минуты всем своим любящим, страдающим и ненавидящим сердцем, кровью и нервами создавал произведения, которые становились живой легендой.

В дни войны мне, участнику боев на Ленинградском фронте, довелось услышать его Седьмую симфонию в блокадном Ленинграде. Для молодых бойцов эта музыка звучала сигналом к сражению, была факелом грядущей победы.

Писатель Алексей Толстой сказал тогда о Седьмой симфонии: «Это великое произведение возникло из совести русского народа, принявшего без колебания смертный бой с черными силами... Она выросла до размеров большого мирового искусства, понятого на всех широтах и меридианах, потому что она рассказывает правду о человеке в небывалую годину его бедствий и испытаний».

О нашей великой Победе Шостакович, великий патриот, говорил: «В тот день для всех нас слилось воедино: счастье, гордость, слава, горечь страданий от невиданных страшных утрат. Смахивая слезы, улыбаясь, мы дышали воздухом нашей Победы. Жизнь победила! Мир победил!»...

В этих строках — весь Шостакович, великий композитор и великий гражданин. А в памяти курганцев он еще удивительно сердечный, простой и скромный человек. Он жил одним дыханием с народом.

П. МАТВЕЕВ,
секретарь Курганского
обкома КПСС.